

Ситуация сложилась крайне неловкая. Человек, с которым он пребывал в состоянии холодной войны, вдруг явился вместе с ребёнком, с которым Хэ Сы отнюдь не ладил. Непонятно, пришли ли они посмеяться над ним, устроить допрос или же искренне «навестить». Учитывая весь багаж их прошлых «взаимоотношений» с Лу Чжэнмином, первые два варианта казались куда вероятнее — процентов на девяносто.

Оставшиеся десять процентов приходились на ту крошечную, смутную надежду, которую Хэ Сы не желал признавать и уж тем более формулировать.

Наверное, если живёшь слишком долго в одиночестве, начинаешь жаждать хоть капли тепла. Как та трёхцветная кошка в старом доме... Как костёр в ту ночь в полуразрушенном храме на окраине кладбища...

Хэ Сы изображал сон так убедительно, что Лу Чжэнмин, неся на плече этого сорванца, увидел перед собой мирно спящее лицо с раскинувшимися по подушке тёмными волосами.

Видимо, тот и вправду вымотался. Обычно высокомерный и грозный, неприступный, как цветок на горной вершине, сейчас он походил на увядший пион. Свет свечи дрожал на его слегка нахмуренных бровях, длинные ресницы отбрасывали на щёки нежные тени — и эти тени проникли напрямик в сердце Лу Чжэнмина.

В ту ночь, когда он отправился к Янь Синшэну, чтобы разобраться в своих чувствах, всё лишь сильнее запуталось. И он решил — с глаз долой, из сердца вон. Но бегство не принесло покоя. Напротив, по ночам в его снах всё чаще стал появляться тот изящный силуэт. Снились ему алые свечи, золотая чешуя на драконьем халате, что переливалась, словно живая... Тот человек, подоткнув рукава, склонился над картиной, а потом вдруг поднял взгляд — и его глаза, яркие, как звёзды в ночи, устремились прямо на него.

В тот миг Лу Чжэнмин почувствовал, как все его глупые уловки, вся самонадеянная ложь рассыпаются в прах.

Осталось лишь лицо, что не давало ему покоя ни днём, ни ночью.

Проснулся он в холодном поту. На мгновение в голове стояла пустота, а потом он откинул одеяло, глянул вниз — и лицо его почернело, словно уголь.

И вот сегодня он снова увидел это лицо. И всё его раздражение, все недоумения и сомнения разом улеглись. Сердце, тревожно бившееся все эти дни, наконец обрело покой.

В голове у Лу Чжэнмина пронеслись два слова: «Это конец».

Юный император не ведал о душевных терзаниях своего учителя боевых искусств. Увидев, что Хэ Сы крепко спит, он слегка приуныл, но шуметь не осмеливался, лишь тихонько похлопал Лу Чжэнмина по плечу и прошептал:

— Опusti меня.

Лу Чжэнмин, погружённый в свои мысли, вздрогнул от неожиданности и едва не швырнул маленького негодя на пол.

К счастью, он вовремя вспомнил, что на его плечах — Его Величество, император Великой Янь. Рука его дрогнула, и он удержал мальчика, тихо спросив:

— Он же спит. Зачем тебе вниз?

Юный император с сомнением посмотрел на Хэ Сы, потом, покраснев, приник к уху Лу Чжэнмина и прошептал ещё тише:

— Я... я хочу его потрогать.

Притворявшийся спящим Хэ Сы: «...»

Лу Чжэнмин: «...»

Лу Чжэнмин ответил твёрдым отказом:

— Нельзя.

Юный император вспыхнул, но вырваться из железной хватки гвардейца не мог, лишь слабо забарабанил по его спине кулачками:

— Как ты смеешь! Наглец! Я — император! Я могу всё, что захочу! Немедленно опусти меня!

Лу Чжэнмин не только не опустил, а, наоборот, укрепил хватку и уже собрался было развернуться к выходу.

Хэ Сы понял, что дальше притворяться бессмысленно — эти двое и впрямь решат, что он отдал концы.

Он размышлял, как бы проснуться наиболее естественно и «неожиданно» их обнаружить.

А те тем временем снова зашептались.

Лу Чжэнмин шлёпнул императора по мягкому месту и прикрикнул шёпотом:

— Не шуми!

Мальчик лишь заёрзал сильнее.

Лу Чжэнмин с тревогой глянул на Хэ Сы. Тот, к счастью, по-прежнему лежал с закрытыми глазами, лишь брови сдвинулись чуть сильнее. Пришлось крепче прижать юного владыку и спросить:

— Если Ваше Величество желает спуститься, то пусть изложит причину.

Шутка ли — он сам-то лишь разок осмелился прикоснуться, и то вызвал бурю негодования. А этот малыш заявляет о таком как о чём-то само собой разумеющемся?!

Юный император притих, помолчал и наконец прошептал:

— Он похож на мою маму.

Лу Чжэнмин: «...»

Хэ Сы: «...»

Внутри у Хэ Сы всё закипело: «Да открой ты свои шарики-глазки! У меня грудь плоская, а ниже кое-что и вовсе присутствует! Рост семь чи! С какой стати я похож на твою матушку,

которая все двести цзиней весит?!»

Мальчик, видя, что Лу Чжэнмин не двигается, решил, что тот не верит, и заторопился:

— Правда! Хотя он обычно любит меня пугать, а матушка и прочие сановники за глаза зовут его злобным евнухом, но только он и мама тайком подкармливали меня вкусеньким.

Лу Чжэнмин усмехнулся, но сделал вид, что сомневается:

— Ваше Величество, вы — император. Ежедневно вам подают изысканные яства. Зачем ему вас подкармливать? Даже до восшествия на престол, будучи принцем, вы, несомненно, ни в чём не знали нужды.

Юный император надул губки и с видом умудрённого старца вздохнул:

— Эх, ты, простой гвардеец, не поймёшь. Быть императором — тяжкий труд. Любое блюдо можно отведать лишь три раза, сколько бы оно ни нравилось. А уж прежде... — Он обвил ручками шею Лу Чжэнмина и прошептал так тихо, что едва можно было слышать:

— Я тебе по секрету скажу, только никому. Раньше я частенько голодал. Матушка не была фавориткой, ранги невысокого, своей кухни не полагалось. Паёк, что приносили, на нас двоих не хватало. Она давала монетки младшим еврехам, чтобы те тайком проносили мне с рынка что-нибудь вкусное да сытное.

Лу Чжэнмин перестал улыбаться. Он замолчал.

Хэ Сы, дослушав до этого места, решил, что момент самый подходящий. Он сонно крикнул, медленно перевернулся набок, нахмурился и открыл глаза.

Лу Чжэнмин и юный император вздрогнули синхронно. Мальчик, не обладавший ещё толстокожестью гвардейца, замер с выражением пойманного за руку воришки и залепетал:

— Я... я я просто проведать тебя. Ты же сказал, что нездоровится... вот я и... пришёл навестить.

От волнения он невольно вцепился в шею Лу Чжэнмина ещё крепче.

Тот крикнул, пытаясь напомнить о себе, но мальчик лишь сильнее сжал объятия.

Лу Чжэнмин: «...»

Хэ Сы, хоть и находил смущение императора забавным, не хотел, чтобы тот в припадке рвения задушил Лу Чжэнмина прямо в его опочивальне. Шутка ли — учитывая буйную фантазию придворных, какие только слухи о «тройственном союзе» не поползут по утреннему совещанию!

Юному императору только-только исполнилось восемь. Хэ Сы знал, что его уже считают негодяем, но опускаться с уровня человека до уровня скотины он не собирался.

Сделав вид, что только что очнулся, Хэ Сы приподнялся и, изображая крайнее смущение и почтение, склонил голову:

— Моя вина, что потревожил Ваше Величество, утрудил его монаршей заботой.

Он был одет легко, а на улице только что шёл снег. Едва одеяло соскользнуло, его накрыла

обратно твёрдая, уверенная рука:

— Сегодня холодно.

Хэ Сы проследил взглядом за этой рукой, поднялся выше и встретился глазами с Лу Чжэнмином. Тот смотрел на него спокойным, тёмным взором.

Взгляды их встретились на мгновение. Хэ Сы первым опустил ресницы.

Лу Чжэнмин, заметив, что тот отвёл глаза, слегка нахмурился.

Юный император, быстро сориентировавшись, нарушил натянувшееся молчание:

— Да-да, сегодня морозно. Если ты нездоров, не кланяйся, а то цензоры опять заговорят, что я тиранствую над подданными.

Видно, побыв императором, он уже научился говорить казённым языком.

Хэ Сы, конечно, лишь делал вид. Получив монаршее дозволение, он немедленно «слабо» откинулся на подушки. Лицо его было бледным, распущенные волосы рассыпались по плечам, придавая ему вид хрупкости и незащитности. Он мягко спросил:

— Ваше Величество, сегодняшние уроки уже завершены?

Юный император, стараясь держаться важно, кивнул:

— Угу.

Он посмотрел на ослабевшего Хэ Сы, не выдержал, дёрнул ножками и на сей раз благополучно сполз с плеча Лу Чжэнмина. Подошёл, потрогал лоб Хэ Сы и с видом знатока изрёк:

— Жара нет. Всё в порядке.

Хэ Сы и Лу Чжэнмин одновременно взглянули на эту маленькую руку.

<http://bllate.org/book/16284/1467163>